

Что в вечность канули те годы,
Сбылися смелые мечты:
Амур волнуют пароходы,
Горят над городом кресты.
Везде раскинулись селенья,
Могучей жизнью дышит край,
И смотрит, полный уваженья,
На нас с надеждою Китай.

Читано в Благовещенске в мае 1898 г., в день 40-летия заключения Айгунского трактата, у монумента, поставленного на месте первой ставки графа Муравьёва-Амурского.

* * *

Плачет над городом звон колокольный,
Звуки печальные льются рекой,
В душу врывается холод невольный,
Сердце сжимается страшной тоской.
Давит, как камень, сознание бессилья,
Каяться надо в свершённых грехах.
Смелая мысль, как подбитые крылья,
Дать не решается полный размах.
Память рисует картины былые,
Ясно встают предо мною они.

Старая церковь, иконы святые,
Пурпур зари догорает в окне,
Тихо на ризах колеблются тени,
Сумрак, сгущаясь, плывёт надо мной.
Я с умилением склоняю колени
С детской наивностью веры слепой.
Старый священник пытливо и строго
Смотрит в глаза мне, и чувствую я,
Нужно мне высказать пастырю много, –
Много грехов на душе у меня:
Маму обидел, не слушался няни,
Как-то из шкафа варенье стащил,
В жарком сраженьи у маленькой Тани
Волосы вырвал и нос ей разбил...
Пастырь качает седой головою:
«Старших не слушаться, сын мой, грешно».
Где-то те годы... Жестокой судьбою
Детскую веру разбило давно,
Душу мою отравило сомнением,
Плакать, как прежде, теперь не могу.
Но, не решаясь бороться с теченьем,
Я, как другие, для выгоды лгу.
Жалких условностей раб подневольный
Слушаю я – и щемящей тоской
Грудь наполняет мне звон колокольный,
Плачущий горько над ложью людской.

1900

Леонид АНДРЕЕВ

член Союза писателей России

От редакции. Сегодня мы представляем стихи поэта, некогда хорошо знакомого амурским читателям, но теперь редко появляющегося на страницах местных изданий. Речь идёт о Леониде Георгиевиче Андрееве (с недавнего времени печатается под псевдонимом Леонид Селижаров).

Родился он в 1942 году в селе Елатьма Рязанской области. Родители были репрессированы. Воспитывался в Касимовском детском доме, окончил ремесленное училище в Челябинске. Вся юность Андреева прошла в скитаниях по стране: не имея постоянной прописки, работал на стройках, заводах, в геологических партиях, плавал матросом по Енисею, пока не обосновался на Дальнем Востоке в Амурской области.

С 1958 года стихи Андреева стали регулярно появляться на страницах газет, альманахов, журналов «Юность», «Сельская молодёжь», «Дальний Восток». В 1961 году подборка стихов поэта была опубликована в коллективном сборнике «И снова зовёт вдохновенье». Позднее в Хабаровском книжном издательстве вышли сборники его стихотворений: «Смещение плоскостей» (1966), «Камертон» (1971), «Лицо родное» (1974). В 1974 году Л. Андреев был принят в Союз писателей СССР. Писал стихи для детей, выходившие отдельными изданиями: «Весёлый рынок» (1969), «Осень-олень» (1976), «Песня про ветку» (1989). В 1979 году была издана книга «Сердцебиение».

С 1987 года Л.Г. Андреев проживает в г. Орехово-Зуево, является участником Литературного объединения «Основа». В 1994-1996 годах им была издана поэтическая трилогия «Берег Неба» (под псевдонимом Леонид Селижаров). В 2008 году – «Русская Аватара»: Изборник (в старой русской орфографии).

В этом году в Благовещенск приезжала жена Леонида Георгиевича – Наталья Петровна. Она передала в редакцию альманаха рукописи стихотворений поэта, написанных в 2007-2008 годы. В них читатель, знакомый с творчеством Андреева, безусловно, узнает его голос, но вместе с тем не сможет не отметить и того нового, что привнесли в стихи годы, жизненный опыт, духовный поиск.

Смолоду Леонида Георгиевича отличала поэтическая зоркость, пристальное внимание к природе и одновременно сосредоточенность на философском размышлении. Уже тогда в поэзии Андреева обнаруживалась склонность к «высокому созерцанию» и высокой риторике, звучали дидактические нотки. Это определённым образом сказывалось на поэтике стихотворений – диктовало форму: простые ритмы и неприхотливый синтаксис, краткие, отточенные, тяготеющие к афоризму строки и строфы, образы-символы. Большинство его стихотворений можно отнести к жанру пейзажно-философской лирики.

То, что в начале пути лишь сквозило, сейчас, в пору зрелости, набрало силу и стало доминантой творчества. По словам критика, Леонид Андреев – уже «не просто стихотворец, а визионер, пророк, провидец, маг, шаман, дервиш, которому в

состоянии экстатического транса открыты все миры, весь универсум, вся Вселенная – от микроскопического атома до огромной галактики» (К. Булавкин). Но как-то всё меньше обращается поэт к «атому», к реалиям естественного природного и человеческого бытия, уходит из его стихов поэзия детали. Всё больше обращается он к абстракциям, всё чаще заглавными буквами начинает он слова, среди которых теряются главные – Бог и Родина:

Изнанка Мира такова:
Мечтаю я о небывалом –
Связать Космическим Каналом
Стезю Всеобщего Родства.

Чем дальше поэт уходит от конкретики земной жизни к эзотерическим высотам, тем, увы, более герметичными, малодоступными становятся его творения:

Свет иной – не свет,
Ведь кого-то нет:
Или умер он,
Или не рождён.

Кто ты, Нетутяй?
Заблудилась, чай
Мировая Тща,
Выхода ища?

Но и сейчас помнящий прежнего Андреева читатель найдёт в стихах поэта полюбившиеся образы и интонации: философическое рассуждение, облечённое в отточенную словесную форму, элегическую иронию, импрессионистский пейзаж.

Для того чтобы все читатели могли иметь более или менее целостное представление о поэзии Леонида Андреева, мы сочли необходимым наряду с новыми стихотворениями опубликовать некоторые из его сочинений, вошедших в старые сборники «Лицо родное» и «Сердцебиение», не переиздававшиеся с 1970-х годов. Когда-то они внесли в амурскую поэзию новые живые образы и интонации, вызвали неподдельный интерес читателей и были встречены критикой, что называется, и хлебом, и солью.

Сейчас у нас есть возможность встречи с поэтом в иное время в иных обстоятельствах, возможность возобновления разговора, который, без сомнения, и интересен, и полезен.

Стихи

ИЗ КНИГИ «ЛИЦО РОДНОЕ»

Лицо родное

Увидеть на поляне летней
Сквозь сетку поредевших веток
Лицо травы тысячелетней,
Едва колеблемое ветром.

Отпрянуть вдруг от непривычной
Догадки средь лесных видений:
Что в мире нет вещей безличных,
Существ безличных и растений.

Как матери лицо родное, –
Лицо полей, лицо лазури.
У васильков – лицо покоя,
У туч – лицо грозы и бури.

Как перемена настроений –
Стыдливых, радостных, унылых –
Игра живая выражений
Неисчислимых лиц и милых.

Гимн одинокому дереву

Ничто напрасно не потеряно! –
Судьба высокая и строгая.
Я молча постою под деревом,
Кору шершавую потрогаю.

О, вывернутый наизнанку,
Сердитый тополь непричёсанный!
Тебя я уподоблю знаку
Заглавному, числу нечётному.

Но если говорить по чести,
Мне вовсе этого не хочется.
Я тоже одинок. Мы вместе
Составим сумму одиночества.

Пусть эта песня злополучная
Вас не тревожит днём и ночью.
И что-то новое получится
Из двух согласных одиночеств.

* * *

Я строю мысль из вещества земного:
Из тишины и воздуха лесного,
Из родниковой утренней воды.

Шумит трава, в листве щебечут птицы
И светятся над каждой страницей
Спокойные и щедрые плоды.
И дерево, протягивая ветку:
«Сорви мой плод и вкус его изведай», —
Мне говорит, шумя листвою густой.
И слышно мне, как под корой древесной
Подземный сумрак и огонь небесный
Текут живой осмысленной струей.

Утренник

Как будто свет прошедшей ночи,
Зеленоватый нежный иней,
Слепя внимательные очи,
Лежал на лиственнице синей.

Я пригляделся к паутине.
О, как она заиндевела!
Паук, уснувший в середине,
Замёрз и стал снежинкой белой.

Всё стало музыкою белой,
Как будто каждое растенье
Сверкало тихо и звенело
От взгляда и прикосновенья.

И птицы пели, задыхаясь
От свежести невероятной,
И вся гармония, весь хаос
В аккорд сливались необъятный.

ИЗ КНИГИ «СЕРДЦЕБИЕНИЕ»

Начало

Во мне, как ощущение лица,
Начало смутной радости и боли:
Далёкий лес, соломенное поле
И тонкая берёзка у крыльца;

Просвеченные солнцем облака,
Овраги, пропитавшиеся прелью.
Вспоившая меня от колыбели
Широкая и вольная река;

Затон, где мы удили пескарей.
Тростник и перевёрнутая лодка,
Тропинка, что хранит мою походку,
Хотя давно я не хожу по ней...

О если б годы детские вернуть!
Вернуть всё то, что не было и было.
На всё, что сердцу памятно и мило,
С улыбкой, словно в зеркало, взглянуть.

* * *

Наши души из огня и камня...
Хорошо, что косная природа
Полного бессмертья не дала мне
За пределом племени и рода.

Тяжела моя любовь нежность.
Как Атлант, громаду небосвода,
Я взвалил на плечи принадлежность
К родине, фамилии, народу.

Амурская тайга

1

Тайги зелёное величье:
В ветвях постройки криков птичьих,
Лосей тревожное мычанье —
Ковчег могучего звучанья;

Над солнечной поляной чистой
Живые лиственные свисты
И чуткий осторожный шорох
В испуганных оленьих взорах.

2

Настоем крепким льётся к первым звёздам
Дыханье леса влажными струями.
И каждый запах вылеплен и создан
Дрожащими оленьими ноздрями.

Горная вода

Живой воды, о камни изострённой,
Струю руками и губами трону.
Пускай порежет мне лицо и руки
Ручей холодный, твёрдый и упругий.
Ведь даром не даётся никогда
Дрожащая свободная вода,
Что, как ребёнок, рвётся на простор
Из материнской колыбели гор.

Наверно, это не вода течёт,
А измельчённый ледниковый лёд.
Хоть в каждой капле счёта нет песчинкам,
Вода чиста, но отдаёт горчинкой.
Вот почему, крутой тесниной сжата,
Вода, как дикий известняк, щербата,
А все ручьи и родники прозрачны
Прохладой осязающей и зрячей.

Стирка белья

И снова женщина стирает
В реке нехитрое бельё.
Босой ногою наступает
На отражение своё.

В скупом ненастном освещенье,
Раздваиваясь на волне,
Мне кажется, что отраженье
Той женщины плывёт ко мне.

Я совершенства завершённость
В её движениях постиг.
И отраженья отрешённость
Была к лицу ей в этот миг.

Зрение

Я смотрел на вещи без печали
И с волнением замечал не раз,
Как, лучась, предметы отражали
Долгий взгляд моих спокойных глаз.

Словно, в них переселившись зреньем,
Ощущая все оттенки дня,
Дал я им глаза. И с удивленьем
Мир глядит, как в зеркало, в меня.

* * *

Я, словно тонкая антенна,
Качаюсь на ветру, звеня.
Но сила древнего Антея
Томила издавна меня.

Огромным космосом придавлен,
Я, как былинка, трепетал.
И мир таинственных преданий
Сознание слабое питал.

А был он только хрупкий слепок
Того, что скрыто в глубине.
И вот беспомощно и слепо
Душа затеплилась во мне.

Она неярко освещала
Туман первоначальных лет
И грани зримого смешала.
Кладя на всё прозрачный свет.

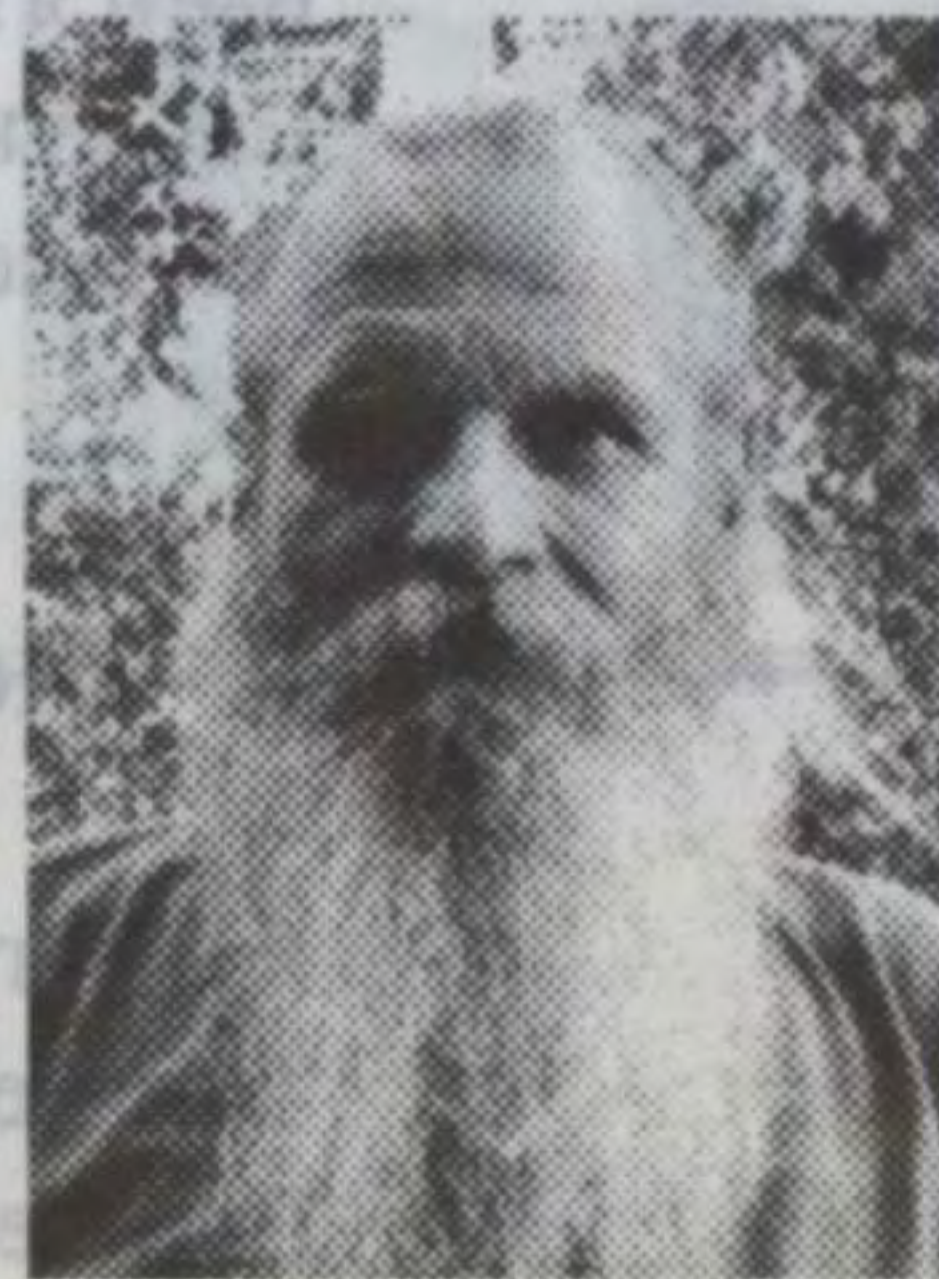
...Опять плывут по сердцу тени
Миров невиданных, иных.
Сегодня чуткие антенны
Тревожным слухом ловят их.

И в их безжалостном зиянье
Я различаю трудный час,
Когда огромное сиянье
Души
обрушится на нас.

Лирическое поведение

Пусть хоть одна не забывается
Строка, написанная нами.
Мне кажется, весь мир меняется
От перемены слов местами.

Порой простое наблюдение
Сродни гремящему пророчеству,
И повседневным поведением
Становится для сердца творчество.

СТИХИ 2007-2008 ГОДОВ

Обретение души

Воистину в деснице Божьей:
И это – я, и это – тоже.
Лепи меня, Господня Воля,
Чтоб глина вскрикнула от боли.

Мы в этом крике, Словом ставшем,
И Душу, и себя обрящем.
И, может быть, ещё немного
Творение приблизим к Богу.

Исчерпанность

Матушка-Земля,
Не буди меня.
Я – твоё дитя
Утлое, как глина.

Только капля я
В море бытия:
Мучась и скорбя,
Исчерпал себя.

* * *

Разве была ты обузой,
Провинциальная Муза?
Крохами перебивалась
И потихоньку спивалась.

Не добивалась визы,
Не совершала круизы.
Лишь в журналистском союзе
Числилась в Выксе и Рузе.

В Брянске Ронсары едва ли
До сорока доживали.
Байрон, не ладя с законом,
Пил политуру с Вийоном.

Вечно скитаясь по скверам,
Прасолов в поисках веры
После тюрьмы добровольно
Умер в чаду алкогольном.

Вот она – Муза провинций,
Бьётся подстреленной птицей...
Снова кого-то столицы
Не довезли до больницы.

Пограничность

Я – пограничный человек,
Тысячелетие и век
Во мне оставили рубец,
Когда Началом стал Конец.

Не пожалел витию Бог,
Он сердце надвое рассёк:
«Не умирай и не живи –
Как червь, барахтайся в крови!»

Конец осени

Птиц перелётные станицы
В родные гнёзда не зови.
О, эти странницы – страницы
Моей любви и нелюбви.

Седые дни чредою мерной
Уходят в Вечность из меня.
Я упокоюсь здесь, наверно,
Ни в чём себе не изменя.

И будет хлябь ночной осоки
Звездой царпать о зенит...
Как будто колокол высокий,
Тоскует сердце и звенит.

Равновесие

1

Лик, зримый изнутри,
Вчерашнее *сейчас*:
Не раз, не два и три,
А три, и два, и раз.

Небесные весы –
Из капелек росы:
На каждом рубеже
Мы взвешены уже.

2

Равновесие Небес.
Где весы? Ведь вес исчез.
Не вопрос и не ответ:
Есть слова, а Слова нет.

Перепутав все концы,
Постигают мудрецы
Высоту и вес небес
Начертанием словес.

* * *

Не стыдно больным и голодным
Брести неизвестно куда.

Я, пугалом став огородным,
Не иму хулы и стыда.

Какое имеет значенье,
В какие обноски одет?

Лишь время и место рожденья
Тебе по размеру, Поэт.

* * *

Когда в полях темно и сыро
И звёзд на небе не видать,
Позволь мне, Родина и Лири,
В ночном тумане прорыдать.

Крупницу воздуха и света
Не отнимаю у берёз –
Хочу лишь умереть поэтом
Всерьёз, не гримируя слёз.